

Я СМОТРУ на эти пожелтевшие, уже ветхие странички писем, на бесконечно дорогой почерк и никак не могу привыкнуть к мысли о том, что человек, который писал их, уже ушел из этого трудного и все же прекрасного мира.

Мы встретились с К. Г. Паустовским без малого 50 лет назад. В Батуме, в 1922 году. Паустовский в то время редактировал крошечную газетку «Маяк», а я был представителем КавРОСТА. Мы скоро подружились. Нас связывало многое. Мы были молоды. Оба маленького роста, что сильно нас огорчало. Занимались журналистикой, любили стихи, природу, рыбную ловлю и ночевки у костра, где-нибудь в лесу или около реки.

За столь долгие годы случилось, что мы и обижали друг друга, даже ссорились. Потому что и ссорятся-то ведь чаще тогда, когда любят.

Меня иной раз спрашивают: был ли добр К. Г.? Я всегда отвечаю: он был обаятелен. Говорят, обаяние опасно, что рядом с ним таится и слабость. У Паустовского обаяние

и редкий ум были огромной силой.

Мы долгие годы работали вместе в Москве в РОСТе. Жили в одном доме, у нас была общая дача в Мещоре, в Солотче. И, разлучаясь, мы всегда переписывались. У меня было более пятисот писем от Косты, так дружки мы его называли. К сожалению, почти все это богатство погибло во время пожара в нашем солотченском доме в 1963 году. Остались только крохи — около шести десятков писем, кажется, двадцать телеграмм и разные записочки и шуточные стихи.

Но он писал нам не только, когда уезжал. Он любил писать даже из Москвы, из своей квартиры № 39 (дом 20 на Пушкинской) в мою кв. 52. Мы встречались по вечерам у меня почти ежедневно. Коста, бывало, придет на «Конотоп», так Гайдар прозвал наши дружеские вечера, и положит письмо мне или Валентине Сер-

геевне. Он записывал ночью свои мысли, впечатления, сожаления и огорчения, а порой забавные сценки. Однажды он принес одноактную сцену, я уже не помню точное название, кажется, «День в РОСТе». Это было так прелестно написано, так метко, весело и легко, что мы уговорили его прочесть эту сценку на вечере в РОСТе, который устраивался в канун Октября. Он согласился и прочел с огромным успехом. Вероятно, этот экземпляр сохранился в архиве К. Г.

Но чаще это бывали записки, напоминающие дневник. Одна из них у меня сохранилась.

Таких, как я называл, «подарочных» писем только за зиму 1932—1933 гг. было больше ста.

Уже в самых ранних письмах, которые, конечно, чаще писались в спешке, где-нибудь на вокзалах в ожидании поезда, не только стилию, но и самим мыслям нельзя

отказать в блеске, меткости и тонком изяществе. Зоркий глаз сразу схватывает нужную деталь. Уже проявляется интерес к простым бывалым людям — боцманам, рыбакам, штурманам, смотрителям маяков — и удивительный дар показывать даже прозу жизни под поэтическим углом зрения, как у фламандских живописцев.

Все это позднее вылилось в очень поэтическое восприятие обширного мира нашей современности и прошлого, в рассказы о лучших людях человечества: художниках, композиторах, о великих борцах за свободу и счастье будущих поколений и о судьбах людей простых и безвестных. И все это пронизано подлинным советским демократизмом и гуманизмом и рассказано таким пленительным языком, волшебство которого связано, по словам самого автора, «с природой, с бормотанием ридников, криком журавлиных стай, с угасающими

закатами, отдаленной песней девушек в лугах и тянущим издали дымком от костров».

Мне хочется познакомиться с вами лишь с несколькими отрывками из писем К. Г., написанных в разные годы.

Вот самое раннее из сохранившихся писем. Датировано 28 июля 1925 года. Из Батума.

«Фраерман! — пишет Паустовский. — Лупит сумасшедший ливень. На море шторм, пути размыты. Обычная батумская погода. По этому случаю приеду в Москву не раньше 4 августа...»

Мы в тот год получили визы на поездку в Италию и должны были уезжать 7 сентября. К. Г. перед этим поехал еще в командировку, чтобы заработать денег, по Черному морю. Он был молод, весел. И шутил.

«Внимание! На пароходе «Севастополь» по пути из Сухума в Батум

мною обнаружен Сапурин! (Это наш заведующий провинциальной редакцией в РОСТе), который едет на Зеленый мыс к родным. Мельников пьет. Сплю в редакции на столе».

А еще хочется вспомнить последнее письмо от марта 1967 года из Ялты. Писать сам Константин Георгиевич уже не мог. Писала Татьяна Алексеевна, а после ее подписи «Таня» приписано: «И Коста. Любовь к друзьям чем старей, тем сильнее. Это становится ясно к концу жизни. Обнимаю вас, родные, милые мои».

Ваш Коста.

В последний раз мы делились незадолго до смерти К. Г. — 18 июня 1968 года в Переделкине.

Он был очень слаб, взволнован и все вспоминал Солотчу, где ему так легко было дышать. Прощаясь, мы оба расплакались. И все-таки никто не думал, что конец так близок.

9 сентября 32 года, Солотча.

Рувим, дорогой! Не поленитесь позвонить в «Наши достижения» Бобрывшеву или Разину и передать, что вторая часть Лонсевилья готова, я ее переписываю и вышлю 12 сентября. Еще одна наглая просьба. Мальвина даст Вам 10 рублей. Если Вы будете в Доме Герцена, то заплатите за меня членские взносы за июнь и июль — иначе меня опять выкинут, — кажется, в четвертый раз. Стоят чудесные дни. Все желтеет. Пожалоустинский сад, ветлы, травы, водоросли и даже глаза ворон-котов источают особую осеннюю желтизну. Осень вошла в Солотчу, и, кажется, прочно. Все в паутине и в солнце. Безветрие, какого не было даже летом. — поплавки стоят, как зачарованные, и виден самый тонкий клевет... Решил, как только заживет нога, пойти на Черное озеро. Пищу, читаю, предаюсь то горестным, то веселым размышлениям в зависимости от ветров. Ночи уже длинные и густо пересыпанные звездами — вообще, жаль, что Вы не видитеذهпней осени, пожалуй, это лучшее время. «И каждой осенью я расцветаю вновь». Мы здесь каждым нервом чувствуем биеие осени. Уже улетают птицы. Это очень печально, как в старом романе...

Кстати, я набрасываю рассказ для себя. Рассказ скверный, к нему очень подходит название «Преодоление»... Если увидите Югова, то убедите его отказаться от этого названия и уступить мне. Обещаю ему половину гонорара.

20 сентября. Солотча.

Чудак! Нет бумаги. Приходится писать на старых листках из блокнота. На днях приеду в Москву, если мое существование не прекратит своей медлительностью солотчинская почта...

Идут дожди, ненастье, угрюмость, как хорошо сейчас щелкнуть выключатель у Вас в теплой комнате с блестяще натертыми полами, сесть на диван под портретом Гамсуна и поговорить о Гудаутах, осени и «странностях любви». Не плохо выпить стакан барзака. Одним словом, я жажду культуры и дмитровских вечеров.

Харьков, 23 декабря 32 года.

Никогда не ездите в мягких вагонах скорыми поездами — на стокилометровой скорости пружины подкидывают пассажиров, как мячи, и уснуть не-

возможно. В Харькове придется просидеть до 11 часов вечера. (...) Снега нет и не было. Тепло, но в Донбассе, говорят, морозы. Ваша шуба незаменима. Здесь все неуютно и выкрашено в грязно-зеленый цвет. Вот откуда пошел термин «зеленая тоска».

Пушкинские горы, 4. VII. 37 года.

Рувим, пишу Вам это письмо около могилы Пушкина, в Святогорском монастыре. Могила очень простая, в простых цветах, вокруг цветов — вековые липы. Здесь, в Михайловском, все полно громадного «неизъяснимого» очарования, и теперь понятно, почему Пушкин так любил эти места. Ничего более жывописного, чем эти места, я не видал в жизни, — корабельные сосновые леса, озера, холмы, песни, вереск, чистые реки, травы, и главное, очень прозрачный и душистый воздух (здесь много пчел и пасек). Заповедник почти безлюден, но охраняется очень строго, — даже в лесах можно ходить только по дорожкам, нельзя рвать цветы в лугах и т. п. и потому растительность здесь пышная и девственная, цапли на озерах подпускают к себе почти вплотную, в озерах масса рыбы (ловить разрешается).

В самых глухих местах, в лесах, на косогорах, на берегах озера стоят почти закрытые травой и цветами таблицы с пушкинскими стихами — так здесь отмечены все любимые Пушкиным места. Впечатление очень неожиданное и очень грустное, — это напоминает слова Пастернака: «Поэзия рядом, она — в траве, надо только нагнуться».

Живем мы рядом с Тригорским в погосте Воронич, около церкви, где Пушкин служил панихиду по Байрону.

Пробуду здесь до 10—11 июля, — потом в Москву.

Что слышно с экспедицией? Работает ли Некрасов? Как клевет в Солотче? Устройте рыбную ловлю моего имени на Прорве. Не забывайте об экспедиции. Целую. Ваш Коста.

Алма-Ата 9 окт. 41 года

Рувим, дорогой, вчера у нас был первый счастливый день за все это время. Мы получили письмо от Вали из Горького и узнали, что с Вами и где Вы. До тех пор была непрерывная тревога и неизвестность. Хорошо, что Вы в редакции — держитесь, не болейте и знайте, что мы все постоянно думаем и говорим о Вас, вспоминаем каждую ме-

лочь из прошлой нашей жизни и верим, что снова мы будем вместе, отдохнем и, как пишет Валя, «увидим небо в алмазах». Так должно быть, и так будет. И в душистых зарослях на берегу Прорвы мы будем сидеть с Вами, старички, смотреть на поплавки в прозрачной воде и вспоминать дни войны, а на костре будет кипеть Ваш знаменитый закопченный чайник.

Мы привезли из Москвы Вашу фотографию, — она у нас стоит на столе. Рувим! Где Роскин и Бобрывшев? Что с ними? Что писать о себе? Полтора месяца я пробыл на Южном фронте, почти все время, не считая трех-четырех дней, на линии огня. Из москвичей видел Михалкова и Бориса Горбатова, в Одессе видел Олещу. Был на суше и на море. В половине августа вернулся в Москву, где ТАСС, ввиду моего преклонного возраста, решил оставить меня в Москве (в аппарате ТАССа), а затем по требованию Комитета по делам искусства — и совсем отпустили для работы над пьесой для МХАТа. В Москве квартиру раздобыли, жил больше у Федина в Переделкине. Вскоре уехал в Чистополь. С большим трудом переехали в Алма-Ату. Чудесный город, весь в густых садах у подножия снеговых гор, много солнца, жара, но все же очень тоскливо. Работаю над пьесой. Живем у чудесного человека — казахского писателя Мухтара Ауэзова, он уступил нам одну комнату... Будущее, как история мидян, — темно и непонятно. Из москвичей здесь почти никого нет, если не считать Сергеева и артиста Астангова (того, что играл Гарта в театре Революции).

Напишите мне все о себе. Целую Вас крепко. Берегите себя.

Ваш Коста.

Большая открытка с видом Капри.

Италия. Капри. Альберго «Гатто БИАНКО». 11. XI. 65 г. Дорогие Рувим! На днях вернемся в Москву и все расскажем. Были в Риме, потом две недели прожили на Капри. Остров для сердца целебный, у меня совершенно исчезли боли. Вообще весь остров являет собой некое подобие земного рая, хотя жизнь на нем очень точно изображена у Бунина в «Господине из Сан-Франциско». Едем в Москву поездом через Вену. Привет всем Вашим, Осипу Черному и всем, всем. Целую.

Т. и К. Паустовские.